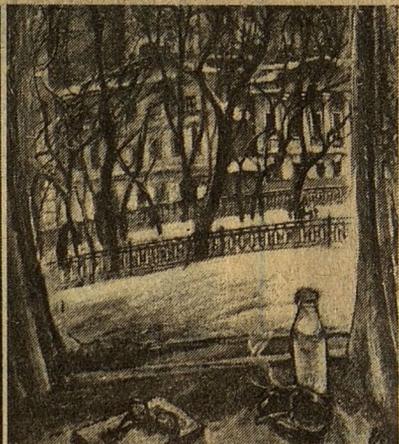

В мастерской художника

Город за окнами

У большого окна московской квартиры, спиной к зрителю, лицом к распахнутому миру Москвы, стоит хрупкий рыженый мальчик. Перед ним, как на ладони, — город. Знакомый, узнаваемый по далекому силуэту высотного здания университета на холодном зеленоватом небе. От серо-голубой пастели на стене мастерской народного художника РСФСР Евгения Куманькова трудно оторваться. Как напряженно вглядывается в весенний мир совсем еще маленький мальчик! За окном все живет, движется, меняется. Идут поезда, в мартовских лужах плывут белые облака и тени домов. Кто этот мальчик? Неужели Антон, сын Евгения Ивановича, студент Московского государственного художественного института имени В. И. Сурикова, с которым я давно знаком? Да, на рисунке он, только семилетний. Значит, вот такая давняя эта работа, сын успел стать взрослым...

А если открыть альбом графики Куманькова-старшего, выпущенный в 1978 году издательством «Советский художник» под названием «Москва... Как много в этом звуке», то на шумцтителе увидишь знакомую серо-голубую постель. Главный герой этого альбома — Москва, работы, посвященные ей Евгением Ивановичем, начиная с 60-х годов. И все же собранные здесь 128 репродукций — только малая часть того, что написал художник о своем городе. Множество графических рисунков разложено в его мастерской в плотные папки по темам: центр, Замоскворечье, Кремль, бульвары, Арбат.

Несколько персональных выставок Куманькова, его деятельность как главного художника Малого театра известны многим москвичам. Но выставки когда-нибудь закрываются, спектакли заканчиваются. А вот книгу, альбом можно долго листать, рассматривать, снова возвращаться, искать то, что особенно поразило.

Красив наш город, кто об этом не знает? Но, может быть, особенно отчетливо чувствует эту красоту человек, исхивший Москву с бумагой и карандашом вдоль и поперек, в дождь, снег, утром, вечером, ночью. Заглянувший во все его переулки и скверы, подолгу стоявший у старинных особняков и прекрасных деревьев, наблюдавший, как строительный кран через час — другой начертит в знакомом силуэте города новую линию. Разве не художник открывает нам эти переходы, перемены знакомого образа?

У каждого настоящего художника есть свое пристрастие. Куманьков любит город. Он побывал во многих странах, видел сокровища городов Италии. Смотрел на Париж и Стокгольм, Берлин и Нью-Йорк. Но ничего похожего на Москву он не видел нигде. Москва — его жизнь и любовь, его песня. А можно

написать песню о доме, улице, старой арке ворот, о башенном кране и железнодорожных путях? Можно, наверное, при условии, что песня эта будет все-таки о человеке, который живет в том доме, на этой улице. Так и у художника. Москва — это город, в котором живут люди. И хотя в альбоме мы не найдем портрета как жанра, все же город наш предстает здесь как среда обитания москвичей. Связью с людским миром прежде всего дороги художнику уголки столицы, которые он рисует уже много, много лет.

В окрашенности подробной московской топографии настроением художника, в точности изображения, идущей от незримого присутствия человека, — особенность стиля Куманькова. Да и названия работ говорят о том же. «Любознательный» — старый одноэтажный домик, в окне яркий цветок. Узорная вязь решетки на фронте дверной крыши-навесика уютно отбрасывает на стену теплую тень солнечного дня. А рядом — фигура человека, уже долго рассматривающего театральную афишу. Человек виден только со спины, а рассказать о нем можно многое. Он немало пожил на свете, а теперь образовалась уйма времени, которое можно тратить на чтение афиши. Всю жизнь он прожил в этом или подобном домике старой Москвы, с цветком на окне, с привязанностью к особому укладу жизни в таких вот домиках. Характер московского старожилы неотривен от того конкретного места, где живет человек. Не случайно художник указал московский адрес своего героя — улица Радио, № 3.

Оттого и получается: смотрите ли вы вместе с художником на улицу Вахтангова в сетке осеннего дождя, едете ли по площади у Киевского вокзала или попадаете в район-новостройку, названную им «белым городом», узнавание этих мест сопровождается чувством их открытия. В чем оно — можно объяснить. А как возникает — трудно. В том, наверное, и заключается тайна творчества. И уже не просто картинка с натуры реального города сменяют друг друга на страницах альбома — одно очарование идет вслед другому.

Чтобы ни рисовал Е. Куманьков — Меншикову башню в Телеграфном переулке или новое здание СЭВ, самые простые, обычные дома, улицы, — все у него окрашено проникновенностью взгляда. Везде пульсирует, стремительно движется, как бы обтекая, омывая контуры профессионального рисунка, живая сегодняшняя наша жизнь. И думая, откуда у художника это умение одухотворять неодушевленную природу, архитектуру города, нельзя не обратиться к другому Куманькову — художнику театра, когда-то успешно начинавшему в кинематографе. Его работа в фильме «Капитанская дочка» по повести А. С. Пушки-

на была отмечена международным призом. Да он и учился на художественном факультете ВГИКа, приехав еще до войны в Москву из родного Смоленска.

Сценография — сложное искусство, сочетающее в себе сильно развитое живописное начало, метафоричность, образность с детальной конкретностью мышления. А оно в том, что художник создает конкретную среду сценического обитания героев. Театральному художнику необходимо подробное знание условий существования людей, их характеров, эпохи. Сценические работы Е. Куманькова в Малом театре широко известны. О его оформлении спектакля «Царь Федор Иоаннович» по пьесе А. К. Толстого в свое время много писали — счастливо найденный им пластический образ спектакля стал важным компонентом драматического действия. Художник словно бы спорил с характеристикой эпохи, воссозданной в известном мхатовском спектакле. Хотя сам Е. Куманьков в данном случае слово «спор» не приемлет. Он говорит, что каждый художник стремится не спорить, а прежде всего обнаружить свое понимание времени, человека. Герои спектакля Малого театра, в отличие от мхатовских, одеты просто. Здесь нет тяжелых, сковывающих движения боярских одежд с высокими жесткими воротниками. Теплые неяркие тона, мягкая ткань, удобная для хорошего самочувствия актеров на сцене одежда. История не оставила нам других изображений быта и одежды, кроме как на иконах XVI века. И Куманьков следовал примерам этой формы русского живописного творчества. Самое же большое художественное впечатление производят кремлевские соборы и взмывающая на полотнище «задника» колокольня Ивана Великого. Три белых купола, вытянутых во всю высоту сцены, с золотом маковок, то загорающихся ярким нестерпимым светом, то приглушенных ветвями сада боярина Шуйского. Они — символ и камертон спектакля.

У Евгения Ивановича есть серия графических работ «Кремль». С каких только точек не рисовал он кремлевские храмы и колокольни, стены и площади Кремля! Мне показалось, не будь этих пастелей, карандашных рисунков, а самое главное многочисленных свиданий с натурой, размышлений и поисков, трудно было бы уловить этот напряженный ракурс колокольни в оформлении «Царя Федора Иоанновича».

Две ипостаси художника — графика и сценография — неразделимы в нем, как неотделимы в его работах Москва и люди, сцена и ее герои. В этом логика развития творчества, верность таланта самому себе.

Т. ГЛИНКА.

НА СНИМКАХ:
● Художник Евгений КУМАНЬКОВ.
● Работа художника «Воспоминание».
Фото В. Александрова.